

Ким Герман Николаевич

*Доктор исторических наук, профессор,
директор Международного Центра корееведения
Казахского Национального университета
им. аль-Фараби (г. Алматы)*

Этничность, самосознание и отношение к религиям студентов-корейцев в постсоветской Центральной Азии*

Численность корейцев современного постсоветского пространства составляет около полумиллиона человек, из которых две трети сосредоточена в Узбекистане и Казахстане, а остальная часть в России. Незначительные корейские диаспоры есть в Киргизстане, на Украине, Туркменистане, Белоруссии и т.д. Такое дисперсное расселение было predetermined как политикой депортации сталинской эпохи, так и миграционными процессами среди корейского населения. В настоящий момент география расселения изменилась существенным образом, и корейцы превратились из преимущественно аграрного в доминирующее по численности урбанизированное население.

После развала Советского Союза и образования новых независимых государств начался новый этап в истории коре сарам.¹ В отличие от других этнических меньшинств, в том числе и русских, большая часть которых избрала стратегию миграции из бывших советских республик Средней Азии, корейцы предпочли остаться, но они, проживая на прежнем месте, оказались вынужденными вновь адаптироваться в условия этнизирующихся постсоветских государств Центральной Азии. (Oka, Diener). Эмиграция коре сарам в дальнюю границу оказалась незначительной, и большинство мигрантов переселялось в ближнее зарубежье, т.е. в другие постсоветские страны. Исход корейцев из Таджикистана, обусловлен-

ный гражданской войной носил массовый и форсированный характер, и сами мигранты явились по существу военными беженцами (Ким В.)

Центрально-азиатские корейцы неоднородны в своем составе, и они условно делятся на три группы. К преобладающей по численности группе относятся потомки переселенцев преимущественно из северной части Корейского полуострова на русский Дальний Восток. Ко второй группе относятся сахалинские корейцы, которых обманом или под принуждением вывезли из южных провинций Кореи в 1939-1945 гг. на шахты Карафутто (японское название Южного Сахалина). Третья группа, хотя и самая малочисленная, но весьма заметна, так как в совершенстве владеет корейским языком. Это бывшие граждане КНДР, приехавшие в СССР на учебу, на работу или перешедшие границу. Большинство из них после XX съезда КПСС, на котором был раскритикован культ личности Сталина и после которого отношения между Москвой и Пхеньяном ухудшились, осталось в СССР.

Развал союзного государства, ставшие реальностью границы между бывшими советскими республиками и углубляющиеся в них дивергентные процессы, ведут к нуклеаризации сформировавшейся в советский период этнической общности «советских корейцев».

Исторический опыт показывает особенность корейских диаспор - исключительную способность к адаптации к новым экологическим, экономическим и социально-культурным условиям. Коре сарам адаптировались дважды: в России и средне-азиатском регионе советского образца и в обоих случаях достигли значительных успехов в создании своей жизнеобеспечивающей системы. Корейцев в Америке выдают за *model minority* - образцовую диаспору, достигшую за короткий срок большого прогресса в сфере бизнеса, в особенности малого и среднего, истэблিশменте, на академическом поприще и даже в политике. Корейцев называют в последнее время азиатскими евреями, подчеркивая тем самым поразительную

социальную мобильность, адаптивность и мимикрию, причем исследователи различают их форсированную аккультурацию от замедленной ассимиляции.

Цель, задачи и основные понятия пилотного исследования

Исходя из того, что религиозные верования, этническое и конфессиональное самосознание корейцев Центральной Азии не являлись до сих темой специальных исследований, и нет каких-либо доступных систематизированных источников, автор ставил своей первичной задачей проведение специального опроса с целью получения эмпирических данных. Главная задача, заключается в поиске ответа на вопрос: каким образом этничность и этническое самосознание молодых корейцев, представляющих диаспору в 4-5 поколении, коррелируется с религиозной верой или безверием? Этому главному вопросу подчинен ряд других, а именно: в чем проявляется этничность, какова структура этнического самосознания, какое место занимает в ней религия, возможна ли типологизация религиозного сознания корейской молодежи и т.д.

Прежде чем приступить к интерпретации полученных результатов опроса, следовало определиться с теоретическими рамками, ибо по многим поставленным вопросам существует разные, порой противоположные мнения маститых ученых-экспертов, как в постсоветском пространстве, так и в западном научном мире.

Мы придерживаемся следующей теоретической канвы. При переселении части этноса на новое место, не только первое поколение иммигрантов, но и их потомки в той или иной мере сохраняют прежние отличительные, т. е. этнические свойства. Длительное проживание в иной стране трансформирует поколения иммигрантов в субэтнос – диаспору, отколовшуюся от основного этнического ядра, отличающуюся своеобразием культуры, языка и определенным самосознанием. У

представителей такого субэтноса (диаспоры) существует, как правило, двойное этническое самосознание: сознание принадлежности к этносу и сознание принадлежности к диаспоре.

Такой теоретический подход, подходит в нашем случае к коре сарам. С одной стороны, коре сарам имеют много общего с корейцами, проживающими на севере и юге Корейского полуострова. У них общие генетические корни, единый расовый и антропологический тип и связаны с общей историей, культурой и языком. Но с другой стороны коре сарам сильно отличаются от всех других корейцев. За прошедшие полтора столетия произошли значительные изменения в их менталитете, этнической культуре, языковой компетенции, социальном положении, образовании и даже во внешнем облике.

Исходя из понимания, что этничность является сложной структурой таксономически разных характеристик, идея разграничения объективных этноформирующих факторов и производных этнических признаков, представляется чрезвычайно плодотворной. Когда речь идет о диаспоре, интерес вызывают этнические признаки, то есть те специфические черты субэтноса, которые отражают реально существующие различия между ним и этносом-ядром и другими окружающими этносами.

В качестве таких этнодифференцирующих признаков, могут выступать самые разные характеристики: обряды и обычаи, язык, моральные и этические нормы, историческая память, религия, миф об общих предках, национальный характер и т.д. В эту группу включается сейчас этническое самосознание, которое долгое время не рассматривалось в качестве признака этноса. Н.Н.Чебоксаров, анализируя язык, территорию, совокупность черт культуры, присущую определенным этносам, утверждает: «Взаимодействие этих признаков, их суммарное влияние на образование и сохранение этнической общности выражаются в виде вторичного явления - этнического самосознания, которое, в конечном счете, оказывается решающим для определения принадлежности отдельных

личностей или целых человеческих коллективов к той или иной этнической общности. Этническое самосознание представляет собой своего рода результанту действия всех основных факторов, формирующих этническую общность».²

Потомки иммигрантов, длительно проживающие за пределами своей исторической родины (этнического ареала), обычно подвергаются ассимиляции, то есть растворению в доминирующей иноэтнической среде. Постепенное забвение родного языка, обычаев, этнической культуры приводит, в конце концов, к потере субэтносом чувства прежней этнической принадлежности. Этот процесс обычно завершается со сменой нескольких поколений. Однако, диаспора не исчезнет до тех пор, пока дисперсно живущие ее члены воспринимают самих себя в антитезе «мы - они», причем под последними понимаются все остальные, включая этнос-ядро, от которого когда-то откололись их предки.³

Коре сарам, никогда не пытались скрыть свою этническую принадлежность и на вопрос о национальности давали ответ: кореец. Национальность – кореец, всегда записывалось в паспорта и другие официальные документы. Коре сарам не отказывались от своей принадлежности к корейской национальности даже в период сталинских репрессий и депортации. Но не только они себя так называли, но и все окружающие этносу также именовали их. Современные коре сарам проживают в основной массе в крупных городах, где повседневная жизнь стандартизируется, оставляя все меньшее пространство для этнической специфики. Среди урбанизированных корейцев неуклонно растет доля людей, родившихся в национально-смешанных семьях, у которых формируется либо двойственное этническое самосознание. У таких людей возможна слабая, размытая, то есть маргинальная этническая идентичность.

Наиболее адекватно отражается в этническом сознании такой объективный признак этноса, как язык, однако и он представляет собой динамическую структуру, претерпевающую с течением времени и в силу иных обстоятельств суще-

ственные изменения. Предки переселенцев на русский Дальний Восток и, следовательно, проживающих ныне корейцев Центральной Азии происходили в основной своей массе из провинции Северный Хамген. Продолжительная изоляция от развивавшихся литературных языков, поглощение элементов диалектов малочисленных выходцев их южных провинций, затем консервация и, наконец, влияние русского языка привели к образованию лингвистического феномена, получившего название коре мар.⁴

Проживание в различных типах иноэтнического окружения, закономерности языковых контактов привели к пополнению ограниченного лексического фонда коре мар заимствованиями из русского и других языков. Коре мар практически не знает письменной формы, не используется в средствах массовой информации, не преподается в школах - он вымирает. Молодое поколение корейцев Центральной Азии не знает коре мар и социолингвистические исследования однозначно говорят о том, что коре мар на грани вымирания. Таким образом, будет утерян один из главных признаков этнического сознания и самоидентификации. Скорое полное забвение родного языка корейцами в Центральной Азии вполне предсказуемо, и здесь налицо так называемая частичная ассимиляция. Не так однозначно обстоит с утерей этнического самосознания и с полной ассимиляцией. Если не язык, не общность территории, не представление об исторической родине, не традиционная культура, то в чем же стержневой признак диаспорного самосознания? Для еврейской диаспоры, равно как и для всех евреев, иудейство составляет ее этническую суть и самый главный признак еврейства, но для корейцев в Центральной Азии религиозное верование не являлось и не является таковым.

Воинствующий атеизм советского периода положил конец традиционным верованиям, религиям и ритуальным практикам корейцев, таким как шаманизм, буддизм, конфуцианство и даосизм. Подданство российской империи кроме всего

прочего предполагало принятие русского православия, единственной официально поддерживаемой властями конфессии.

Корейцы сохранили до настоящих дней лишь ритуальную оболочку в конфуцианской обрядности похорон и поминовения усопших. Старшее поколение передавало молодому в основном механический опыт проведения церемоний, не углубляясь в их религиозно-семантическое содержание.

Вплоть до конца прошлого века некоторые корейцы в России, Казахстане и Узбекистане прежде чем принять важное решение о перемене места жительства, длительной и дальней поездки, поступления в институт, женитьбы и замужества обращались к посвященным, так называемым паксу, которые по старым книгам, содержащим секреты геомантии, либо на бобах за определенное вознаграждение пророчествовали и давали советы. Многие женщины-корейки сами раскладывают на картах хатхо пасьянсы на исполнение желаний.

Массированное миссионерство южнокорейских церквей привлекло часть корейской диаспоры в лоно христианства в основном протестантского направления людей, однако численность таковых трудно поддается учету, ибо какой-либо официальной статистики не ведется, а пасторы не дают таких сведений. Попытку обосноваться в постсоветских странах осуществила в конце 1990-х годов муннисткая церковь, но она успеха не имела. В последние годы в Алматы и Бишкеке появились небольшие по численности буддийские общины. В целом же религия не имеет заметного влияния на жизнь корейцев в России, Казахстане и Узбекистане.

Значение и роль признаков в этническом самосознании диаспоры меняются в зависимости от особенностей историко-политической ситуации, от уровня консолидации, специфики этнического окружения. Утверждение, что у корейской диаспоры центр тяжести в системе этнических признаков сместился в обряды, обычаи и традиции, пока в большей степени априорно, нежели научно обосновано, хотя такая априорность может не исключать его истинность. На самом деле,

корейцы в полной мере ощущают иными, отличными от других именно в дни древних народных праздников.

В жизни всех людей есть праздники, с которыми связана народная обрядность, прежде всего это касается рождения, совершеннолетия, круглых дат-юбилеев. Затем этническая специфика наглядно проявляется в свадебной обрядности, которая включает в себя пред- и послесвадебные церемонии. И, наконец, наиболее устойчиво сохраняются традиции в похоронных и поминальных ритуалах. Корейцы в ЦА сохранили до настоящих дней основные аспекты народных традиций в праздниках и обрядах жизненного цикла. Коре сарам не забыли свои календарные народные праздники. Прежде всего, это дни весеннего (хансик) и осеннего (чхусок) равноденствия, когда все корейцы посещают могилы своих предков и родных. Старшее поколение внимательно следит за соответствием используемого солнечного календаря с лунным и заранее предупреждает членов семьи о наступающих днях поминовения. Ибо необходимо заблаговременно приготовить ритуальную пищу, инвентарь и материалы, чтобы привести в порядок могилу. На кладбище совершаются традиционные трехкратные глубокие поклоны погребенным, воздается духам-хранителям, делится трапеза.⁵

Бум этнического самосознания, наступивший на закате 20 века, получил научное название «этнического возрождения» или «этнического парадокса современности».⁶ Первый взрыв интереса к своим этническим корням, культуре и языку произошел в горбачевский период «перестройки, гласности, демократизации». Распад СССР и советской государственно-политической системы повлекли за собой массовый «шок» и потерю устойчивой социальной идентичности. Именно в подобный период слома социальной системы, этнос (диаспора) и семья взяли на себя функции стабилизации, консолидации и поддержки.

В советский период подавлялись всякие попытки самоорганизации этнических общин, в особенности диаспор, подвергшихся депортации. Корейцы, имевшие многовековой

опыт сельской общины, перенесли ее структуру и функции на русский Дальний Восток. В Казахстане и Узбекистане были образованы самостоятельные переселенческие колхозы, в которых также сохранялись некоторые черты былой общины, к примеру, единоначалие и уважение к лидеру, наличие совета старейшин с консультативными функциями, всеобщее участие в официальных праздниках, а также в обрядах жизненного цикла: дни рождения, свадьбы, 60-летние юбилеи, похороны и поминки. Для общинной организации присуща групповая трудовая деятельность и коллективное использование земельных участков, зданий и помещений, оборудования и рабочего инвентаря.

За последние два десятилетия в постсоветских странах были учреждены десятки корейских ассоциаций, обществ и культурных центров, основная цель которых заключалась в возрождении корейского языка, народных традиций и обрядов, изучение истории Кореи и корейской диаспоры, развитие национальной культуры, искусства, литературы, укрепление культурных и экономических связей с Южной Кореей.⁷ Несомненно, что молодое поколение корейцев выросло в иных условиях, нежели чем их родители, а именно организованной культивации в диаспорной среде этнических признаков самосознания.

Теперь уже путем научных экспериментов доказано, что процесс становления этнической идентичности индивидуума проходит в несколько этапов. Первые «проблески» диффузной идентификации с этнической (расовой) группой обнаруживаются у детей 3-4 лет, а «реализованной» этнической идентичности ребенок достигает в младшем подростковом возрасте, когда рефлексия себя имеет для человека первостепенное значение. Корейская семья выступает в качестве главного хранителя традиционных ценностей, передаваемых из поколения в поколение. Правила поведения, как и социальный опыт вообще, кореец постигает в семье. С самого раннего детства, участвуя в важнейших ритуалах, или просто наблюдая за их проведением, он приобщается к сакральным

аспектам этнической культуры. Корейская семейная обрядность базируется на конфуцианских церемониальных принципах, ибо по Конфуцию именно ритуал - фундамент всей человеческой деятельности. Что же является наиболее важным моментом во внутрисемейном пробуждении этнической идентичности корейских подростков? В социализации корейских детей всегда обращалось самое важное внимание на важность почитания старших по возрасту. Согласно конфуцианскому этикету, младший по возрасту, независимо от социального статуса, должен проявлять уважение к старшим, а дети обязаны почитать своих родителей. Акцент на ценность образования – вторая отличительная черта социализации, и родители, в свою очередь, должны сделать все, чтобы создать детям возможность получения хорошего образования. Этим объясняется факт того, что доля имеющих вузовское образование у корейцев в странах Центральной Азии превышает в два раза средний общенациональный показатель.⁸

Этническая идентичность более четко осознается, а знания о различиях между группами приобретаются раньше, если ребенок живет в полиэтнической среде. Межэтническое общение корейских детей в современных центрально-азиатских странах дало им больше возможностей для приобретения знаний об особенностях своей диаспоры и других этнических групп.

В переломные периоды истории, краха привычных социально-политических реалий (например, развал Советского Союза в одночасье девальвировал значение такой идентичности как «*homo soveticus*», на формирование которого ушло 70 лет), в условиях возникшего идеологического вакуума и отсутствия общегосударственной идеи, резко возрастает роль традиционных этнокультурных, национальных и религиозных идентичностей. Как показал опыт распада СССР, других держав и полиэтнических (в особенности поликонфессиональных) стран, люди расходятся именно по национальным и религиозным «квартирам», даже если они не особенно глубоко верующие или вовсе неверующие.⁹

В нашем исследовании вслед за рядом российских ученых мы широко пользуемся, описывая этническую идентичность, введенным в обиход термином «этноконфессиональная самоидентификация», полагая, что он удачно отражает сложившуюся реальность, описываемую данным понятием. Религиозный и этнонациональный компоненты самосознания не только тесно переплетены, но и усиливают действие одного через другое: этнонационального через религиозное, и наоборот.¹⁰

Параметры выборки респондентов, цель и задачи анкетирования

Фокусной группой для анкетирования была избрана корейская молодежь, обучающаяся в основной массе на корейских отделениях университетов. Письменное анкетирование проводилось в мае-июне 2008 г. в университетах Алматы, Талдыкоргана, Ташкента, Бишкека и Душанбе. Характеристики массива опрошенных: 300 человек в возрасте от 16 до 26 лет, из которых 100 человек проживали в Казахстане, 150 – в Узбекистане и по 50 человек соответственно в Кыргызстане и Таджикистане. Поскольку корейскому языку в университетах обучается в основном девушки, то сложилась существенная диспропорция респондентов по половому признаку, и доля парней варьирует от минимальных 15% в университетах Казахстана до максимальных 38% - в Узбекистане. Выборка респондентов была произвольной, и опрос проводился в режиме самозаполнения, ибо вопросы религиозной веры являются интимными, если не сказать конфиденциальными, и обсуждение их с интервьюером, могли повлиять на степень искренности ответов. Предварительный подсчет данных анкет не выявил существенных различий во многих ответах студентов из разных стран Центральной Азии, поэтому дифференцированный подход по месту проживания будет применяться лишь в тех случаях, когда расхождения будут составлять более 10 процентов. Анкета со-

стояла из 24 вопросов закрытого типа условно разбитых на несколько блоков.

Стержневым понятием, вокруг которого формулировались вопросы в анкетировании, стала “религиозность молодежи”. Вопросы были направлены на выявление степени вовлеченности корейской студенческой молодежи в религиозную жизнь стран Центральной Азии. Понятие “религиозность”, в свою очередь, связано с другими понятиями, такими как “внерелигиозность» и “секулярность”, которые образуют благодаря взаимосвязи их содержания органическое целое.

В целом во всей выборке к верующим отнесло себя большинство опрошенных – 63,3%. О безрелигиозности заявило 36,7% респондентов, при чем доля неверующих и атеистов среди корейского студенчества в Казахстане оказалась самой высокой и составила около половины всех опрошенных. Следующие два вопроса имели двоякую цель, с одной стороны верифицировать ответы на первый вопрос, а с другой получить картину внутрисемейного конфессионального окружения. Кажущаяся парадоксальность меньшей доли верующих среди родителей респондентов – 56,2%, объясняется мной тем, что они социализировались, получили образование и прожили жизнь в атмосфере советского атеизма. Доля верующих среди родных братьев и сестер оказалась даже несколько выше, чем у самих опрошенных – 71,5%.

Выявилась также конкретная конфессиональная принадлежность. Абсолютное большинство всех верующих респондентов (75,3%) считают себя адептами протестантской церкви, 7,2% - приверженцами католицизма, по одному проценту признали своей религией конфуцианство и буддизм. Остальные респонденты отметили «другая», не уточнив, какая именно религия. Среди верующих корейских студентов не оказалось ни одного принявшего православие или ислам, хотя обе конфессии доминируют в странах Центральной Азии, как по численности верующих, так и по своему официальному статусу, материально-финансовой и образовательной инфра-

структуре. То есть здесь идет речь о других детерминантах такой «нелогичной» избирательности корейской студенческой молодежи в отношении религий. Забегая вперед, отмечу лишь факт, что и протестантизм и католичество, хотя имеют более чем вековую историю в Центральной Азии, но именно в последние десятилетия получили бурное развитие благодаря миссионерской активности, в том числе и корейских протестантских пасторов и католических министров. Агрессивный, но в тоже время привлекательный прозелитизм миссионерских церквей не оставил без внимания определенную часть корейской молодежи (см. табл.1).

Таблица 1.
Конфессиональная самоидентификация корейской
студенческой молодежи в странах Центральной Азии
по состоянию на май 2008 г.
(в % от общего числа верующих)

Конфессии	май 2008
Протестантизм	75,3
Католицизм	7,2
Православие	0
Ислам	0
Конфуцианство	1,2
Буддизм	1,2
Другая	15,3

На вопрос «Какая религия подходит более всего для корейцев в вашей стране?» ответы распределились следующим образом: протестантизм – 47, 2%; православие – 25,6%; католичество – 7,8%; буддизм – 2%; конфуцианство – 0,7%; ислам - 0% и другие религии (без указания какие) – 16,4%. По предварительным оценкам, построенным на материалах прессы, интервью и личных бесед, готовность корейской диаспоры к внешней миграции из центрально-азиатских стран в Россию, за исключением Казахстана, остается довольно вы-

сокой. В этой связи становится понятным, что православие ассоциируется с возможным переездом в Россию на постоянное местожительства.

Религиозность корейской студенческой молодежи

Следующий блок вопросов связан с выяснением путей актуализации религиозности корейской молодежи. Американские социологи Ч. Глок и Р. Старк еще в середине 60-годов прошлого века выделили 5 основных измерений религиозности: экспериментальное (чувство), ритуальное (практика), идеологическое (вера), интеллектуальное (знание) и этическое (мораль), чем вызвали настоящую бурю дискуссий и отзывов от «восхитительно» до «это просто бред.»¹¹ После двух десятилетий продолжавшихся исследований на сегодняшний день вынесен вердикт ученых, что религиозность следует рассматривать как многомерный феномен.¹² Поэтому это не вопрос принципа, использовать ли трех, пяти или 10-мерную шкалу оценки или сколько будет поставлено вопросов в анкете по выявлению параметров религиозности. Все зависит от сформулированных задач в каждом конкретном эмпирическом исследовании.

На вопрос «Посещали ли Вы хоть раз богослужение в миссионерской церкви?» поступило 81,5% положительных ответов от всех опрошенных. Далее на вопрос «Как часто Вы посещаете церковь?» ответы верующих респондентов распределились следующим образом: каждую неделю – 54, 3%; раз в две недели – 34,7% и раз в месяц – 11%, таким образом, учитывая то, что богослужения в миссионерских церквях проходит раз в неделю, можно отметить, что посещаемость корейской верующей молодежи довольно высока. Показатели посещаемости у казахстанских корейцев оказались ниже средних более чем на 10 процентов.

Для понимания роли религии в мировоззрении молодежи важны, конечно, не только словесные суждения. Ведь даже регулярное посещение церкви может вовсе не означать на-

божность и действительную религиозность. Корейские миссионерские церкви привлекают не только богослужением, но другими видами деятельности: от образовательной – обучение корейскому языку, до развлекательной – поездки на природу или в Корею. Убедиться в реальном отношении к вере, оценить степень восприятия христианских норм, правил и морали помогают ответы на ряд вопросов, раскрывающих действительное место религии в повседневной жизни опрошенных. С этой целью был задан вопрос «Читали ли вы Библию, Новый или Старый Завет?». Утвердительный ответ дали 80% всех опрошенных, что вполне можно было ожидать. Однако полученные ответы на следующий вопрос «Знаете ли вы основные христианские заповеди и соблюдаете ли вы их в повседневной жизни?» вызывают сомнения по поводу качества чтения и усвоения религиозных знаний, причем из области элементарных. Ответы распределились так: «Нет, не знаю и не соблюдаю» – 49, 7%; «Знаю, но не всегда соблюдаю» – 32, 2%; «Знаю и соблюдаю» - 18,1%.

Истинная вера предполагает готовность человека на муки, страдания и самопожертвование за религиозные идеалы, поэтому был задан вопрос: «Считаете ли Вы, что готовы «пострадать за веру»? Понятно, что проверить истинность экспериментальным путем, не представлялось возможным, но ответы были получены и, оказалось, что потенциальные мученики веры составили меньшинство – около одной трети всех опрошенных.

Отношение к южнокорейским миссионерским церквям

Особый блок вопросов касался отношения респондентов и их субъективной оценки деятельности корейских христианских миссионерских церквей. Тема активного зарубежного прозелитизма, в том числе и южнокорейского, стала привлекать в последнее время пристальное внимание со стороны СМИ,

ученых разных отраслей науки, автохтонного (официального) духовенства, а также силовых структур и органов государственной (национальной безопасности). Во всех центрально-азиатских странах уже прошли шпионские скандалы вокруг миссионеров-пасторов, последовали высылки (депортации), отказы от регистрации, запреты деятельности и прочие карательные меры.

Пионеры корейских христианских миссий стали прибывать уже в период «перестройки», когда еще не было дипломатических отношений между Советским Союзом и Южной Кореей, поэтому они имели паспорта американских граждан. С установлением официальных межгосударственных связей со странами Центральной Азии поток южнокорейских миссионеров-пасторов быстро увеличивался. Этому способствовали факторы, носившие политическую, экономическую, идеологическую и этническую природу. До тех пор пока прозелитизм южнокорейских миссионеров был обращен в корейскую диаспорную среду, как наиболее благодатную в первоначальный период, это не вызывало особого противодействия официальных властей центрально-азиатских стран, которые проводили политику государственной поддержки умеренному исламу. Однако, когда количество южнокорейских церквей резко возросло, численность паствы увеличилась в сотни раз и влияние привнесенных христианских конфессий стало весьма ощутимым среди местного населения, номинально причисленных (по этническому признаку) к исламу или православию, отношение к ним изменилось.

Официальные власти признают, что миссионеры провели большую работу по сплочению корейской диаспоры. Почему же церкви, образованные пасторами из Южной Кореи, стали привлекать центрально-азиатских корейцев? В качестве ответов можно услышать следующее: они организовали бесплатное обучение корейскому языку, клубы и секции по интересам, проводили благотворительные акции, оказывали материальную и финансовую поддержку, стимулировали по-

сещаемость перспективой поездки на историческую родину, создали возможность получения теологического образования и продвижения в карьере церковного служителя. Таким образом, не только (или не столько) религиозное содержание, а так называемый «социальный пакет» предоставляемый членам общины привлекал многих людей в южнокорейскую миссионерскую церковь.¹³

Корейские миссионерские церкви сосредоточены в основном в крупных городах, столицах центрально-азиатских стран, в которых самая высокая доля корейского населения. К примеру, в Алматы, где проживает свыше 20 тысяч корейцев, то есть каждый пятый из общей численности, действуют около 30 южнокорейских христианских церквей. Много это или мало? Лишь 6,6% всех опрошенных посчитало, что миссионерских церквей излишне много», по мнению преобладающего большинства – 72,5% их было «достаточно», а около 21 процента, то есть каждый пятый респондент ответил - «недостаточно».

На вопрос «Как вы оцениваете роль миссионерских церквей в сохранении этнического самосознания корейской диаспоры в вашей стране?» были предложены две пары ответов: важная – незначительная и положительная - отрицательная. Около трех четвертей опрошенных оценили эту роль как важную и положительную, и только одна четверть респондентов возразила этому.

В целом, следует подчеркнуть, что в сложных условиях постперестроечного периода, протестантские миссии оказались востребованными среди корейской диаспоры и представителей других, в том числе коренных народов центрально-азиатских стран. Южнокорейские миссионерские церкви, используя разнообразные формы и методы идеологической индокринации, сумели пройти первоначальную стадию приспособления и адаптации. Однако набор политических, социально-экономических, демографических и культурных факторов не позволяет протестантизму достичь структурной

интеграции в конфессиональную жизнь постсоветских стран Центральной Азии.

Южнокорейские пасторы, проповедующие общехристианское учение и фундаментальные принципы протестантизма среди полиэтнической общины, пытаются нивелировать самобытные особенности народов, в том числе и корейской диаспоры. Вмешательство миссионеров в этнокультурную жизнь, пасторские запреты среди членов протестантской общины выполнения традиционных ритуалов, в особенности похоронно-поминальной обрядности, вызывают протест корейцев старшего поколения, не желающих терять свои обряды и обычаи. В небольшом блоке вопросов была предпринята попытка выяснить экспериментальным путем отношение нынешней корейской молодежи к конфуцианской обрядности, а также влияние новой христианской религиозности на коррекцию этнокультурного поведения. На вопрос «Справляет ли ваша семья ежегодные поминальные обряды в хансик и чхусок?» утвердительно ответили 84,6% респондентов и в незначительном меньшинстве (15,4%) корейских семей отказались от проведения самых основных конфуцианских (народных) обрядов календарного цикла. В тоже время на вопрос «Будете ли Вы и ваши дети соблюдать эту обрядность?» утвердительный ответ дали лишь 32,1% опрошенных, отрицательный - 22,4% и почти половина – 45,% респондентов затруднились дать ответ. Полученные данные говорят о том, что абсолютное большинство корейской молодежи (86,3%) не понимают полностью смысл проводимых поминальных ритуалов у могил предков и родных, а приготовить все необходимое и провести сами весь поминальный обряд способны лишь 21,9% процентов всех опрошенных. То есть тенденция потери этнокультурных традиций среди молодого поколения корейской диаспоры просматривается со всей очевидностью. А как же обстоит с этнической идентичностью?

Для всех респондентов в нашем пилотном анкетировании характерна моноэтническая идентичность, совпадающая с

официальной этнической принадлежностью. Последний блок вопросов был составлен в виде таблицы, потому целесообразно полученные ответы (в относительных показателях, т.е. в %) представить в том же виде (см. табл. 2).

Таблица 2. Некоторые показатели этнической самоидентификации корейской студенческой молодежи в странах Центральной Азии по состоянию на май 2008 г. (в %)					
	Нет	Скорее нет, чем да	И да, и нет	Скорее да, чем нет	Да
Я горжусь тем, что я по национальности кореец	0,7	2,2	4,5	15,7	76,9
Я стараюсь больше узнать об истории Кореи, традициях и обычаях	6,1	10,6	21,4	24	38
Я активно участвую в общественных организациях корейцев	15,7	21,4	20,7	23,6	18,6
Я хорошо знаю о своих корейских корнях	20,1	24,3	22,8	15	17,8
Я глубоко ощущаю чувство принадлежности к корейской нации	9,3	11,4	12,1	23,6	43,6

Из ответов следует, что преобладающее большинство молодых корейцев не стесняются, не скрывают, а напротив, гордятся своей этнической принадлежностью, и глубоко ощущают чувство этнической самоидентификации.

Подводя итоги:

Следует отметить следующее. Корейская студенческая молодежь, относящаяся уже к 4-5 поколению диаспоры (последовательно в России, СССР и постсоветский период), проживающая в абсолютном большинстве в полиэтнической среде центрально-азиатских городов, являясь нередко детьми в межнациональ-

ных семьях, стабильно сохраняют свою этническую самоидентификацию и осознают себя членами корейской диаспоры.

Религиозное мировоззрение многих респондентов пока еще размыто и находится в эмбриональной стадии. Традиционная обрядность уходящая корнями в религиозно-этическое конфуцианство, утратила сакральную семантику, и сохраняется, благодаря старшему поколению как внешняя ритуальная оболочка. Официальные религии стран Центральной Азии: ислам и православие не привлекли молодых корейцев в число новообращенных. Энергичный и разнообразный по форме прозелитизм южнокорейских христианских миссий (в основном протестантского направления) пустил первые всходы в студенческой молодежной среде корейской диаспоры. Говорить о типологии религиозного сознания корейской молодежи преждевременно.

Вместе с тем, было бы некорректно умалять роль конфессионального начала в жизни современных молодых корейцев. К отличительной особенности индивидуальной религиозности корейцев следует отнести ее «сползание» из идейно-мировоззренческой сферы в обиходное поведение. Религия, не занимала в этническом сознании предшествующих поколений корейской диаспоры каких-либо важных и прочных позиций, и не сумела пока закрепиться в этносознании нового поколения.

* В подготовке статьи содействие оказали многие люди. Особую благодарность выражаю коллегам из университетов Ташкента (Юлии Тен, Наталье Ким, Михаилу Тен), Бишкека (Ким Бенг Хо, Елене Авдеевой, Наталье Цой), Душанбе (Ларисе Хен и Виктору Ким – лидеру корейской диаспоры Таджикистана), Алматы (Цой Ми Ок, Жанне Ибраевой, Айнур Малгаждаровой) и Талдыкоргана (Наталье Ем, Эмме Ли), организовавшим проведение анкетирования, и студентам-респондентам, принявшим в них участие. Моя искренняя признательность адресуется преподавателям и студентам

кафедры корееведения КазНУ, а также Зарине Акишевой за техническую обработку анкет.

¹ До развала Советского Союза широко использовался термин «советские корейцы», который подразумевал всю совокупность корейцев в стране. Сами корейцы называли себя либо чосон сарам («люди страны Чосон»), либо коре сарам. В настоящее время этноним и самоназвание «коре сарам» стало применяться повсеместно. В Южной Корее используется в отношении корейцев постсоветского пространства неологизм – кореин.

² Чебоксаров Н.Н. Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых// Советская этнография.- 1967, №4, стр. 99.

³ Семенов Ю.И. Этнос, нация, диаспора. // Этнографическое обозрение, 2000, №2; Текст одноименной лекции на сайте электронного журнала «Скепсис». http://sceptsis.ru/library/id_75.html. Site accessed August 20, 2008.

⁴ Herald Haarmann. (1981). Aspekte der koreanisch-russischen Zweisprachigkeit, Studien zur Gruppenmehr-sprachigkeit der Koreaner in der Sovjetunion, Hamburg, 1981; Kho, Songmoo. (1987). Koreans in Soviet Central Asia (Studia Orientalia, Vol. 61). Helsinki; Ross King (1987). An Introduction to Soviet Korean. Language Research, vol. 23, no. 2, pp. 233-277. Seoul: Language Research Institute. Пак Н.С. Тенденции развития коре мар. // Известия НАН РК. Серия общественных наук.- 1995, №6, с. 21-29.

⁵ Джарылгасинова Р. Основные тенденции этнических процессов у корейцев Средней Азии и Казахстана.- Этнические процессы у национальных групп Средней Азии и Казахстана. М. - 1980, с.43-73; Ли Г.Н. Обычаи и обряды корейцев СНГ. Москва, Ташкент. - 2001, 227 с.

⁶ Smith Anthony D. The Ethnic Revival. London and New York: Cambridge University Press, 1981, 240 p.

⁷ Ким Г.Н., Хан В.С. Актуальные проблемы и перспективы корейской диаспоры Центральной Азии// Диаспоры (Москва).- 2001, №2-3, с. 181-194; Ким Г.Н., Хан В.С. Десять лет спустя. (Размышления о пройденном пути в корейском движении). - Ассоциация корейцев Казахстана. Алматы: АКК, 2000, с. 185-210.

⁸ Ким Г.Н., Сим Енг Соб. История просвещения корейцев России и Казахстана. Вторая половина XIX в. – 2000, 368 с.

⁹ Мчедлов М. П., отв. ред. Вера. Этнос. Нация. Религиозный компонент этнического сознания. М., Издательство: Культурная рево-

люция, 2007, 368 с.; Синелина Ю.Ю. О критериях определения религиозности населения // Социс. – 2001, №7. С. 89-96; Казьмина О.Е. Роль религиозного фактора в этническом самосознании населения России // Исторический вестник. - 2001, №2-3 (спецвыпуск). - С. 66-75.

¹⁰ Рагузин В.Н. Этнонациональное и религиозное сознание граждан России: проблемы и взаимосвязи.- Этноконфессиональный диалог: состояние, противоречия, перспективы развития. – Оренбург, 2002, с. 10.

¹¹ Charles Y. Glock and Rodney Stark, 1965. Religion and Society in Tension. Chicago: Rand McNally. pp.306

¹² Marie Cornwall, Stan L. Albrecht, Perry H. Cunningham, and Brian L. Pitcher. (1986) The Dimensions of Religiosity: A conceptual Model with empirical Test// Review of Religious Research, Vol. 27, №3, p. 226.

¹² Абубакиров А. Миссия выполнима? // Мегполис, №1 (265), январь 9, 2006.